

Десять лет без Довлатова

Сергей Довлатов обрушился на нас внезапно и был — осталось очень точное ощущение — радостно воспринят всеми. Никому и в голову не приходило определять его по конкретному ведомству литературы высокой или массовой. Он просто пришел — и занял свою нишу, ни у кого ее не отобрав. Очень скоро стало казаться, что тексты Довлатова существовали всегда. Тексты, но не он сам, к тому времени живший слишком далеко от своего читателя. Телевидение не успело приучить нас к виду этого большого и красивого человека, да и эти немногие съемки вряд ли были в состоянии что-либо добавить к образу, хорошо знакомому каждому, кто брал в руки любую из его книг.

Яков ГОРДИН, литератор, историк, соредатор журнала «Звезда», рассказал «Известиям»:

— Сергей, несмотря на все бурные перипетии своей жизни, был насквозь литературным человеком. Конечно, Довлатова

сегодня можно анализировать как некий комплекс литературных текстов, но понять, что он такое, можно только если вспомнить ситуацию, из которой он вышел. Это было начало шестидесятых, когда литература впервые за много лет стала не-

идиотизм нашей жизни был тем материалом, с которым работал Довлатов. И ведь что интересно: очень многие описанные им реалии стремительно ушли в небытие, а идиотизм в жизни не только не поубавился, но и как будто стало больше. Поэтому книги Сергея Довлатова с тем же удовольствием читаются в России сегодня и — есть серьезное подозрение — будут читаться всегда. А еще потому, что они здорово написаны, настоящим русским языком. Перифразируя известную банальность, хочется сказать: умерший десять лет назад Сергей Довлатов куда живее многих ныне живущих, но творчески мертвых и никому не нужных писателей.

костей самоценностью. Разумеется, и в тридцатые, и в сороковые, и в пятидесятые годы были писатели-аутсайдеры, не вписывавшиеся в официальные представления о литературе.

(Окончание на 10-й стр.)

Десять лет без Довлатова

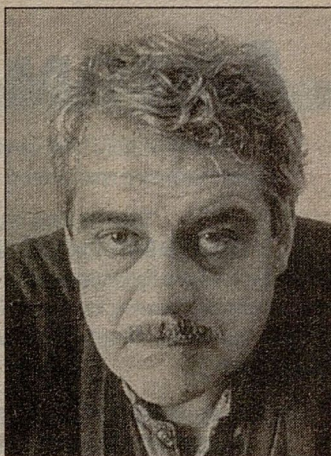
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Но это обостренное самоощущение литературы как занятия, а не как средства заработка или способа социального продвижения характерно именно для литературного поколения конца 60-х — начала 70-х, к которому принадлежал Сергей. Даже слава не играла определяющей роли. Естественно, было желание печататься и иметь читателя. И на пересечении двух этих тенденций рождались жизненные драмы молодых писателей.

Эта самоценность литературы, впервые осознанная с такой остротой, стала для Довлатова одним из самых важных моментов. Недаром он не любил свой первый период и не хотел, чтобы публиковались его ранние, доэмиграционные вещи. В самом начале его работы он испытывал совершенно очевидное влияние жестокой, брутальной прозы Ремарка и Хемингуэя. То, что сейчас давно уже вышло на периферию литературного влияния, тогда было на первом плане. И вот эта фигура, которая будет потом присутствовать и у позднего Довлатова, фигура человека тонко чувствующего, но при этом физически мощного, это, конечно, хемингуэевские мотивы, которые естественным образом переплелись и с самим Сергеем. С одной стороны, он был могучим человеком двухметрового роста, а с другой — необыкновенно уязвимым, несильным, остро чувствующим несоответствие своих литературных амбиций и реального положения.

Он обладал очень высоким уровнем чутья на литературную фальшь в себе. Он вообще был в значительной степени обращен на себя. Был героем своих рассказов, любил рассказывать вещи, его уничижающие. Это, конечно же, была превентивная акция: чтобы не оказаться обиженным другими, изначально ставил себя в заведомо уязвимое положение. И его жизненные метания, бурный период в эмиграции в значительной степени определены поисками органичной интонации даже не жизненного поведения: он вел себя более или менее, как многие окружающие его молодые литераторы. Он искал органичность литературной интонации. И то, что он ее не мог найти в полной мере, его чутье на внутреннюю фальшь, неорганичность, зависимость создавало болезненный дискомфорт, и это многое объясняет в его поведении.

К моменту появления Довлатова в питерском литературном кругу он уже застывал, стабилизировался, молодым писателям хотелось отгородиться от него, вырвать свой кусок пространства и удержаться на своих прежних позициях. Когда была образована группа «Горожане», сделавшая эти установки своим программным заявлением, Довлатов примкнул к ним, хотя, конечно, был резко индивидуален.

Сергей Довлатов

Шестидесятые были временем литературной серьезности и соответственно повышенной серьезности к самому себе. Это многим мешало. Довлатов это чувствовал, и отличительной чертой и раннего, и в большей степени зрелого Довлатова была ирония, обращенная на самого себя. Он никогда не рассказывал о своих победах, зато о своих поражениях в драке всегда рассказывал с юмором и удовольствием. Если сарказм и ирония Зошенко направлены на его персонажей, то довлатовская ирония, а иногда и сарказм обращены к самому себе. Его необыкновенная популярность вызвана именно обаятельностью интонации, в которой сочетаются понимание и ощущение глубокой драматичности жизни. Довлатов очень быстро перестал быть веселым писателем. Его сарказм, ироничность и остроумие оказались в неразрывном сочетании с ощущением жизненного драматизма. Он стал остроумным, но печальным писателем.

Когда-то ленинградец Рид Грачев написал, что отличие этого поколения (к которому принадлежит Сергей Довлатов. — А.К.) от предшествующих и последующих обусловлено самой историей нашего общества. Только это поколение получило серьезный и активный нравственный опыт. Ему было от чего отталкиваться. Но глухие и слепые стали душили зрячих и говорящих. Мертвый хватает живого и душил... В итоге при быстром повышении уровня журналистики и уровня читателя вместе с уровнем общества художественная литература, которая могла бы осмыслить и суммировать этот процесс, снова себя скомпрометировала. А это значит, что ее будущее может и не состояться.

Биографически Сергей Довлатов стал жертвой процесса, который так ярко и выразительно описал Рид Грачев. Но в конце концов он преодолел это и выработал основные принципы работы, очистив их от всего лишнего. И на этом фундаменте построено творчество последнего периода его жизни.

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ